

ПРАВА

ТРАДИЦИИ
& АВАНГАРД

Ежеквартальный журнал
художественной литературы

Издаётся с 2018 года

№ 4 (27) 2025

Содержание

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Дарья Фомина	4
Прятки. Рассказ	5
Иван Клиновой	12
Ветер качает кроны и колыбели... Стихи	13
Глеб Рубашкин	19
День рождения. Рассказ	20
Константин Комаров	26
Я и муза разум и я. Палиндромоконструкция. Стихи	27
Анна Шмакотина	43
Последняя капля. Рассказ	44

Валерий Петков	58
Прыщик. Рассказ	59
Алина Витухновская	68
Вы получите вечность условно... Стихи.....	69
Дарья Верясова	77
Прощай, Лосик! Рассказ времён пандемии.	
Рассказ.....	78
Сергей Гарсия.....	98
Рассвет, иллюзия вокзала... Стихи.....	99
Александр Рязанцев	107
Хлеб, вино и одиночество. Рассказ.....	108
Артём Морс	145
Смотри в себя, как в тёмный лес... Стихи	146
Полина Жеребцова	155
Тюкины дети. Документальный роман.	
Окончание	156

ДРАМАТУРГИЯ

Владимир Зуев	264
Сценарии поведения. Комедия	265
Ярослава Пулинович	308
Акционистка. Киносценарий	309

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА, ОЧЕРК

Николай Палубнев.....	396
Монтировщик стихов. Статья	397
Елена Сафронова	402
Лермонтов, родственник Байрона. Очерк.....	403

Проза

ПОЭЗИЯ

Дарья Фомина

Дарья Фомина родилась в 1986 году в Ногинске. Окончила филологический факультет Московского областного университета. Училась на литературных курсах Марины Степновой, Майи Кучерской. Финалистка поэтического конкурса «На крыльях грифона», дважды финалистка конкурса-фестиваля переводов «Берега дружбы». Есть публикации в электронном журнале «Пашня» и сборниках прозы и поэзии.

ПРЯТКИ

Катя проснулась и медленно, осторожно села на кровати, стараясь не опираться на локоть и плечо, поморщилась от неловкого движения: болели суставы. В комнате пахло дряхлым немытым телом, корвалолом и вьетнамским бальзамом «Звездочка».

Среди кусочков серебристой фольги с разноцветными таблетками она нащупала на прикроватной тумбочке застиранную детскую панамку, бережно разгладила дрожащими, скрюченными артритом пальцами и надела себе на голову. Видела она с каждым годом все хуже, но очков не признавала: ей казалось, они ее уродуют, да и читать ничего не хотелось.

Катя взглянула в окно: голые деревья тянут ветви в набухшее от влаги, как хлебный мякиш, серое небо. День еще только начался, но было темно, как будто с утра уже вечер. Словно ругаясь, покаркивала ворона.

Катя не знала, какой сегодня день недели, – все ее дни давно уже слились в один бесконечный, но по этой серости за окном и унылому покаркиванию она безошибочно узнавала приход ноября...

Катя прожила на Верхней Масловке почти век. В последние годы квартира съежилась для нее до размеров комнаты, в которой давно не было ремонта, зато много старых вещей – память о дорогих ей людях. Их уже нет в живых, а вещи остались. На окнах занавески цвета крем-брюле. На подоконнике за туманом белого тюля декабрист, алоэ и несколько традесканций, рассеявшихся, как барыни, в керамических горшках со славянским орнаментом. На стене коричневые часы с кукушкой и тяжелыми гирями-шишками. Дубовые стол и стулья, сделанные на века. Шкаф с сервизом из звенящего богемского

хрусталя. Полки с покрытыми пылью книгами – в основном русская и зарубежная классика.

В рамке из красного дерева самая любимая фотография, где маленькая Катя с родителями и сестрой на даче: у девочек одинаковые белые панамки и полные горсти спелой жимолости. Мама сидит на скамейке, нога на ногу. Она в широкополой шляпе, а папа обнимает ее сзади и улыбается, показывая крупные передние зубы.

В кресле самодельная плюшевая собака с глазами-пуговицами, на столе у окна – стеклянный Пушкин с гусиным пером в руках и по соседству деревянный медведь с Машей, выглядывающей из короба. Рядом фарфоровая ваза с изображенными на ней деревьями. Эту вазу привезла Катина мама из Кисловодска. Катя ее берегла, каждый день сама протирала влажной губкой и только теперь, когда руки перестали слушаться и тряслись, доверила это сиделке. В детстве мама читала им с сестрой сказку о волшебной стране с райским садом и разноцветными бабочками, где царят любовь и счастье. Засыпая, Катя смотрела на эту вазу и думала, что это и есть тот самый сад из волшебной страны.

Катя часто видела во сне бабушку, маму, папу, сестру. Только этими снами она в последние годы и жила – они были настоящей реальностью, отрадой. Что в этом мире у нее осталось? Лишь одиночество и дряхлеющее с каждым днем тело.

Уже много лет Катя наблюдала за изменениями, произошедшими с внешней оболочкой: у кожи появился отвратительный старческий запах, она была теперь похожа на сухую, растрескавшуюся глину, покрылась грязно-желтыми пятнами. Когда-то мелодичный голос сделался хриплым и дребезжащим, а ярко-голубые глаза выцвели, словно их сильно разбавили водой. Походка стала шаркающей, медлительной, и каждый шаг причинял такую

боль, какая не снилась даже Русалочке. Залезть в ванну и помыться стало целым приключением. В этом причиняющем страдания теле, как в тюрьме, жила пленница-душа, которой хотелось вырваться, улететь туда, где давно ждут те, кто ее любил.

Катя заметила, какой странной стала ее память: она часто не помнила, что было вчера, пила ли сегодня лекарство; но зато помнила и могла пересказать во всех подробностях события шестидесятилетней давности.

В детстве Катя каждый день просыпалась от счастья просто потому, что наступило утро. Были долгие прогулки по парку, кормление лебедей в пруду. Вечером семья собиралась на кухне. Папа ласково улыбался, смотрел на маму и курил, мама брала в руки гитару и исполняла русские романсы. Затем началась школа. Поползли нудные будни. Потом отучилась пять лет на филологическом. После получения диплома мать похлопотала, и Катю взяли в Ленинскую библиотеку. Работа тихая, непыльная.

Замужем Катя никогда не была. В ее жизни случилось несколько недолгих любовных связей с женатыми мужчинами, которых пленили и заморозили каштановые кудряшки и пышные булочки-груды молодой библиотекарши. Плодом одной такой связи стала дочка Верочка, улыбчивый тихий ангелок. Но Бог вскоре забрал ее на небеса. Больше детей у Кати не было.

Незаметно, по капельке, как вода из протекающего ржавого крана, почти вся ее жизнь утекла, а вместе с ней ушли силы. И теперь за Катей ухаживала дальняя родственница Татьяна, седьмая вода на киселе, равнодушная и неласковая. Чужая.

От окна потянуло холодом и сыростью. Катя накинула поверх халата плед. Да, нынче не май. В соседней комнате выл пылесос: Татьяна делала уборку.

Катя погладила нежный и мягкий краешек старенькой подушки с бахромой. Эта вещь до сих пор хранила ароматы детства. Кате казалось, что подушка пахла так, как пахло в родительском доме: кухонными полотенцами после кипячения, горчиچниками, чайным грибом в банке, горькой редькой с медом, которой мама лечила их с сестрой от простуды; тяжелым ковром и пылью, скопившейся в нем.

С одной стороны подушки кусочек шерстяного цветастого платка – такой раньше повязывали на голову зимой, а с другой – на черном бархате сказочной красоты бутоны и лепестки алых роз с нежно-зелеными листочками, жар-птица и павлин с золотистым крылом и хвостом-веером. Эту картину вышивала мама.

В детстве, стоило Кате заболеть, мама заботливо укладывала ее пылающую от высокой температуры голову на прохладный черный бархат с розами и павлином, ласково поглаживала лоб и приговаривала: «Кто на подушечке волшебной ночью поспит – быстро выздоравливает». Она верила маме, и действительно к утру всегда становилось лучше, температура снижалась. Да и сейчас Катя ложилась спать на эту подушку и верила, что она поможет. Ведь самое главное – верить.

Озноб пробивал сквозь плед. Пальцы рук и ног онемели. Катя прислушалась. Татьяна закончила пылесосить и принялась протирать полы – из соседней комнаты доносились стук швабры, то и дело бьющейся об углы, многоголосье работающего телевизора и треск подпрыгивавшей во время работы стиральной машины.

Катя перевела взгляд с подушки на полку с книгами. Там стояла ее любимая – «Дядя Стёпа», подаренная отцом. Огромная по сравнению с другими детскими книгами, в бежевой обложке, обкусанной с лицевой стороны домашними хомьями Хомкой и Фомкой. Эта книжка спасала ее от страха и одиночества.

В детстве Катя боялась оставаться дома одна. Однажды сестра заболела, и мама ушла с ней к врачу, а Катю закрыла в пустой квартире, в которой благодаря буйной детской фантазии сразу же ожил Синяя Борода под кроватью, слышалось шуршание домового за занавеской и шепот злой колдуньи в платяном шкафу. Стуча зубами и пытаясь унять дрожь в коленках, она побежала к полке с книгами, поскорее открыла «Дядю Стёпу» и начала читать, рассматривать цветные картинки. Вот дядя Стёпа ремонтирует светофор, воспитывает хулигана, а вот он спасает старушку с бельем.

Книга была ее оберегом, заветным кругом Хомя Брута, защищающим от Вия. Ей казалось, что если она не будет смотреть на домового и колдунью, то и они не увидят ее.

Так прошел час, и в тот момент, когда она открыла любимую картинку, на которой очередь из молодцев в форме Балтийского флота несет кому-то в подарок огромного надувного дельфина, услышала долгожданное шуршание маминого ключа в замочной скважине. Катя в слезах побежала в коридор, чтобы обнять маму, холодную, пахнущую свежестью и морозом, чтобы уткнуться носом в ее колючее зимнее пальто и почувствовать: спасена!

Катя сидела с закрытыми глазами, чуть раскачиваясь взад-вперед, погруженная в свои мысли. На телефоне прожужжало напоминание выпить лекарство. Катя взяла с тумбочки несколько белых и желтых, круглых и продолговатых таблеток, привычным жестом закинула их в рот и, чувствуя на языке все нарастающую горечь, поскорее запila их водой. В желудке стало неприятно. Надо перетерпеть.

Захотелось есть. Катя посмотрела на часы – ровно девять. Обычно в это время Татьяна приносила ей еду. Через дверную щель проник запах овсянки и только что сваренного кофе. Значит, скоро будет завтрак.

Катя вспомнила, как в детстве по утрам мама разливала по стеклянным стаканам горячий, пахнущий мятой и чабрецом чай, который невозможно было пить: он обжигал руки и губы. Но мама как-то умудрялась пить и не обжигаться. От пшенной каши, наложенной в алюминиевую миску, шел пар, и у Кати запотевали очки, и долго потом ничего не было видно.

Катя помнит себя – маленькую, худую, коротко стриженную – за деревянным столом. Она зачерпывает кашу на кончик ложки и старательно дует. Долго рассматривает узор на алюминиевой ложке. Сестра уже успела съесть свою порцию и просит добавки. Каша в Катиной тарелке давно остыла, стала холодной и невкусной. Сестра уже доедает добавку, а Катя все сидит, размазывает ненавистную пшенку по краям тарелки. «За что мне такое наказание – кормить этого ребенка? – выходит из себя мама. – Сладкого не получишь, пока кашу не съешь». Сестра уже уплетает вторую шоколадную конфету, с Катей не делится. Ну и что, подумаешь! Не в конфетах счастье.

Как ни странно, мужчины, которых Катя когда-то любила, ей никогда не снятся. Она и раньше нечасто их вспоминала, а теперь и вовсе забыла их черты лица. Дочка отснилась, как будто ее никогда и не было. Снятся ей один за другим лишь моменты из детства.

Часто она видит один и тот же сон. Или никакой это не сон, а воспоминание? Теперь не понять, где сон, а где реальность – все смешалось...

Такой же, как и теперь, с размытой серостью ветвей, ноябрьский день, та же квартира, и они с сестрой играют в прятки. Катя считает до десяти, уткнувшись лбом в засаленные оливковые обои, а сестра прячется. Катя идет искать. Смотрит сначала на кухне за шторами, потом на пыльном полу под диваном – сестры нет. Заглядывает во все углы и под стол – сестры нет. Катя обходит все ком-